

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Программа (лекции и семинары)
и учебные материалы по курсу
«Онтология и теория познания»
для студентов специальности
020100 «Философия»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

Составитель Д. В. Анкин

«Современные проблемы теории познания» – часть базового курса «Онтология и теория познания», которая следует непосредственно за частью «Введение в современную теорию познания» и призвана ввести студентов в современные критические дискуссии о природе, формах и основаниях познания. Термины *гносеология* и *эпистемология* обычно рассматриваются как синонимы, но в отечественной литературе часто разграничиваются. Мы будем рассматривать эпистемологию как научную рефлексию *всякого* претендующего на объективную истинность познания. Смысл ограничения проблемного поля теории познания при таком понимании эпистемологии заключается в том, что последняя остается парадигмой всех прочих современных теоретико-познавательных исследований, а потому и ключом к пониманию всех иных – от самопознания до идеологии – феноменов, которые необходимо анализируются в курсе. Мы полагаем, что все ненаучные формы познавательной деятельности могут и должны анализироваться *научными* методами – университет есть место, где занимаются наукой.

Исследование проблем эпистемологии должно стать базой для последующего изучения студентами науки и научного познания в курсе философии науки, а также облегчить подготовку к магистерским и кандидатским экзаменам тем студентам, кто пожелает в дальнейшем продолжить образование.

Курс выстраивается методом движения от простого к сложному. Мы полагаем, что для формирования у студентов систематического и аналитического понимания предмета сложные, комплекс-

ные проблемы лучше рассматривать после простых. Поэтому не случайно, что социальная, культурная и идеологическая обусловленность познавательного процесса анализируется лишь в последнем разделе, когда студенты уже будут иметь некоторое представление о самом (по)знании, об истине и о языке, т. е. смогут осознанно и адекватно употреблять соответствующие категории. Начинать курс следует с самых фундаментальных понятий эпистемологии – с категорий истины, знания и др.

Курс рассчитан на 34 часа лекций и 34 часа семинаров.

Форма отчетности – экзамен.

ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННОГО КУРСА

Раздел I

ПОЗНАНИЕ, ПОЗНАЮЩИЙ И ПОЗНАВАЕМОЕ: КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ» И «ОБЪЕКТ» В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Тема 1. Эпистемологическое значение и многозначность категорий субъекта и объекта

Осмысление познающего в качестве субъекта в Новое время. Углубление и развитие субъективности как путь преодоления субъективизма обыденного и мифологического мышления. Способы преодоления психологизма в классической эпистемологии: идея трансцендентального субъекта, условий возможности познания и т. д. Разграничение чистого и познающего мышления (познания) в классической эпистемологии, познание как единство опыта и мысли. Исторические формы субъективизма и проблемы критики историцизма средствами трансцендентальной философии. Модели опосредования субъект-объектного отношения некоторым третьим элементом: «познавательный образ» (И. Я. Лойфман, М. Н. Руткевич), «знание» (К. Мангейм) и др.

Проблема объекта познания и необходимость онтологических оснований эпистемологии. Плюралистические онтологии в современной философии: концепция «трех миров» (Г. Фреге, К. Поппер), «четырёх слоев» (Н. Гартман) и др. Необходимость выделения внепространственного и вневременного бытия («идеальное», «духовное» и т. д.).

Отрицание разделения категорий субъекта и объекта в экзистенциальной философии. Проблема целесообразности исключения данных категорий из философского лексикона. Символическая обусловленность объекта познания и самосознания познающего в символическом интеракционизме.

Проблема взаимосвязи между 1) признанием «трансцендентального субъекта» в качестве некоторых общечеловеческих осо-

бенностей в области рациональной деятельности, чувственной деятельности и воображения и 2) признанием границ у человеческого познания.

Тема 2. Переход от трансцендентальной философии («философии ума») к философии языка в качестве нового основания эпистемологии

Проблемы классического обоснования эпистемологии. Несовпадение границ познания с границами познающего разума. Необходимость разграничения вопроса о границах человеческого разума от вопроса о границах человеческого познания. Возможность бесконечного, неограниченного познания для существа конечного и ограниченного. Возможности совершенствования техники и кооперации в процессе познания. Связь границ разума с границами *опыта* (границами между «феноменами» и «вещами самими по себе» – терминология Канта) и относительная независимость от описательного и выводного знания от данных границ. Проблема познаваемости самих границ познания.

Язык как новое основание эпистемологии (Р. Рорти). Отказ от трансцендентальных исследований *ума* как основы классической теории познания и переход к трансцендентальным концепциям *языка* в качестве нового основания эпистемологии. Условия возможности описания вместо условий возможности опыта. Исследование логических и лингвистических форм возможного описания. Проблема границ языка и связь данной проблемы как с проблемой мистического познания, так и с проблемой перевода.

Преодоление психологизма и историцизма в современной философии языка: движение к объективности в конце IX – начале XX века в феноменологической, аналитической и структуралистской философии. Построение эпистемологии без исходного анализа самого познающего: «смерть субъекта» в структуралистской науке, «эпистемология без субъекта знания» в аналитической философии и т. д.

Раздел II ЗНАНИЕ: КОНЦЕПЦИИ, ВИДЫ, КРИТЕРИИ. ЗНАНИЕ И ОПЫТ

Тема 3. Категории знания, мнения и веры (убеждения)

Философские концепции знания; виды знания. Объективный аспект знания: истинность информации и ее обоснованность. Интерсубъективный характер и общезначимость всякого знания. Признание познающим истинности и значимости принимаемой им в качестве знания информации как необходимый субъективный аспект всякого знания. Знание как обоснованно признаваемая истинная информация. Знание как разрешение некоторой существующей неопределенности, некоторого реального сомнения (Ч. С. Пирс, Л. Витгенштейн). Проблема обоснования. Отрицание принципа достаточного основания в критическом рационализме (К. Поппер, Х. Альберт) и попытки его модификации в коммуникативных концепциях (К.-О. Апель). Фундаментализм и антифундаментализм в современной эпистемологии.

Идея предположительного, гипотетического характера наших знаний в «фаллибилизме». Возможность как ложной, хоть и достаточно достоверной информации, так и истинной, однако при этом недостоверной (*недостаточно* достоверной) информации.

Критика учений о непосредственном знании в современной философии. Доказательство Ч. С. Пирсом невозможности интуитивного постижения интуиции, невозможности интуитивного разграничения между непосредственным и опосредованным знанием. Двойное опосредование познания в «философии символических форм» Э. Кассирера.

Лингвистический анализ знания через его языковую форму выражения. Анализ выражения «Я знаю, что...» в работах Л. Витгенштейна и Н. Малкольма. Абсурдность идеи «ложного знания». Признание истинности как необходимое условие – одно из «субъективных оснований» (И. Кант) – всякого знания. Недостаточность для знания одних лишь субъективных условий признания истинности информации.

Проблема классификации типов знания: категории теоретического, практического и духовно-практического знания; «знание-знакомство» и «знание по описанию» Б. Рассела; «знание что» и «знание как» Г. Райла; «знание о...» и «знание, что...» Р. Рорти и др.

Проблема априорных оснований познания. Соединение внутренней, априорной активности познающего разума с опытным началом в рамках классической эпистемологии. Деление основных познавательных способностей человека на чувственность, рассудок и разум. Подразделение И. Кантом суждений на аналитические и синтетические. Концепция синтетического *a priori* в качестве обоснования возможности научного познания в критической философии и в феноменологии. Критика концепции синтетического *a priori* в нео- и постпозитивизме. Аргументы У. Куайна «против» разграничения аналитического и синтетического и аргументы Р. Карнапа «за».

Тема 4. Рефлексия, восприятие и воображение

Деление восприятий на чувственные и интеллектуальные «репрезентации» в классической эпистемологии. Индивид как основание возможности чувственных репрезентаций. Понятие чувственного опыта. Выход интеллектуальных репрезентаций за рамки отдельного индивида, социальная обусловленность интеллектуальной интуиции. Проблема воображения и его конструктивные функции в процессе познания: воображение как способность создания предположений, гипотез, моделей. Необходимость критики продуктов воображения. Субъективизм и релятивизация процесса познания в радикальном конструктивизме.

Проблема эмпирического базиса познающей мысли. Поиск достоверных «источников» знания. Невозможность абсолютной достоверности и признание проблемы «источников» в качестве псевдопроблемы в философии критического рационализма. «Генетическая ошибка» как представление генезиса некоторой концепции в качестве ее обоснования (или, наоборот – необоснованности).

Тема 5. Понятие опыта: основные концепции. Виды опыта. Роль опыта в познании

Субъективность и непередаваемость опыта. Проблема квалификации опыта в качестве знания. Различные решения данного вопроса. Проблема возможности признания субъективного, «личностного» знания. Проблема непосредственного, «допредикативного» знания и критические аргументы против возможности существования такового. Проблема эпистемологического анализа интуиции. Невозможность интуитивного разграничения между интуитивным и не интуитивным познанием. Исключительно дискурсивное постижение всякого недискурсивного знания в эпистемологии.

Концепции опыта. Деление опыта на позитивный (подтверждающий наши концепции) и негативный (опровергающий наши концепции). Признание диалектического характера негативного опыта в философской герменевтике и его противопоставление позитивному опыту науки. Отрицание данного противопоставления вместе с отрицанием идеи позитивного опыта в критическом рационализме. Опыт как один из основных инструментов критики наших собственных концепций; наука как опирающаяся на опыт (негативный) систематическая критика наших теоретических концепций, имеющая целью устранение заблуждений.

Тема 6. Понимание как субъективный аспект объективного знания

Признание истинности, убежденность и другие субъективные аспекты знания как основа понимания. Осознание субъективных, генетических, культурно-исторических предпосылок наличного знания как путь к его лучшему пониманию.

В. Дильтей о понимании как вчувствовании. Недостаточность для понимания обычной «объясняющей» психологии и проект создания особой «описательной» психологии. Г. Риккерт о невозможности какого бы то ни было психологического обоснования понимания: темнота и абсолютная непостижимость индивидуально-психологического, ценности как единственное основание возможности понимания и его общезначимости. Противопоставление

понимания объяснению, рассмотрение понимания в качестве основного и специфического метода гуманитарных наук. Критика данного противопоставления методов гуманитарного и естественно-научного познания в структурализме. Методы структурного объяснения в гуманитарных науках. Подчеркивание онтологического статуса понимания в философской герменевтике: концепция герменевтического круга у М. Хайдеггера и диалектического опыта у Г.-Г. Гадамера. Понимание и объяснение. Взаимосвязь и взаимозависимость объяснения и понимания. Признание взаимосвязи и взаимозависимости объяснения и понимания в современной герменевтике. Научное объяснение культурных феноменов как путь к их адекватному пониманию (П. Рикер и др.). Текст как модель всякого гуманитарного познания (М. М. Бахтин).

Объективность понимания: отличие «думать, что понимаешь» от «на самом деле понимать» (Л. Витгенштейн). Проблема ложного понимания (при невозможности существования какого-либо ложного знания). Проблема критериев адекватности понимания.

Вопрос о необходимости и целесообразности использования особых герменевтических категорий («предрассудок», «горизонт» и др.) для исследования процессов понимания. Проблема оправданности выделения герменевтики в особую область общей эпистемологии. Отрицание специфических границ и особых «гуманитарных» методов понимания в философии критического рационализма. Проблема границы между уважением к традиции и авторитету с одной стороны и догматизмом и авторитаризмом – с другой. Совместимость уважения к авторитету и традиции с их критикой и проблема выработки рациональных форм критики.

Познание как процесс критики и преодоления заблуждений. Ценность выявления заблуждений и предрассудков как основание возможности их последующего *преодоления*. Неправомерность псевдодиалектических обоснований ценности заблуждений. Невозможность «содержательной» («трансцендентальной», «диалектической» и т. п.) логики познания. Формальная логика как универсальный критерий ошибки (ложности) и недопустимость ее использования в качестве содержательного критерия истинности знания.

Тема 7. Проблема самопознания

Знание о себе как самый последний и наиболее сложный, следующий за знанием других и знанием объектов тип знания (Д. Дэвидсон). Невозможность критериев достоверности самопознания. Невозможность адекватного постижения содержаний собственного сознания (не говоря уже о бессознательном) изолированным индивидом. Значение других – обобщенного образа Другого (М. Бахтин) – для самопознания.

Невозможность использования прагматического критерия. Зависимость успеха от *положительного* образа себя и возможная независимость успеха от реальных достоинств или недостатков (интеллектуальных, моральных и др.) соответствующей личности. Польза и вред самопознания, возможность практического ущерба в случае адекватной самооценки и объективного самопознания.

Раздел III ПОЗНАНИЕ И ИСТИНА

Тема 8. Многообразие концепций истины

Проблема критерия истины как источник неклассических определений. Невозможность абсолютного критерия истины. Истина и знание. Истинность и признание истинности. Истинность и достоверность: возможности их несоответствия и даже противоречия. Истина и ценности: ценность истины и независимость истины от ценностей. Некорректность аргументов к личности и к авторитету в рамках объективного познания. Недопустимость обращения к *генезису* концепций («генетическая ошибка»), в том числе и к поиску их «источников», в процессе обоснования их истинности или ложности.

Рациональный смысл различных концепций: соответствие в области эмпирического познания; согласованность, непротиворечивость в области математического и логического познания; целесообразность, «полезность» в области всякого претендующего на практическое приложение знания. Взаимодополнительность различных концепций истины.

К. Поппер об «источниках знания и невежества». Сочетаемость фаллибилизма с признанием невозможности создания абсолютно истинной теории с признанием существования объективной и даже абсолютной истины. Проблема истинности/ложности утверждений и проблема достоверности теорий как в корне различные проблемы.

Тема 9. **Корреспондентная концепция истины**

Корреспондентная концепция истины как соответствия Аристотеля, ее классический статус в европейской культуре и современные разработки. Истина как истинность. Объективность истинности и ложности как независимость соответствия/несоответствия утверждения от субъекта (как от субъекта производящего данное утверждение, так и от всех воспринимающих данное утверждение). Объективность: отношение между утверждением и действительностью (объектами, фактами) от утверждающего и/или воспринимающего(щих) данное утверждение несколько не зависит. Безразличие культурных и национальных особенностей познающего, безразличие его гениальности или бездарности, безразличие его авторитетности или неавторитетности, и т. д. для объективного отношения соответствия/несоответствия, существующего между его словами и действительностью.

Тривиальное понимание абсолютности и относительности как полноты и неполноты истины. Возможность нетривиального толкования абсолютности истины как ее безотносительности к тем или иным условиям утверждаемости.

Проблема природы соответствия. Трактовка соответствия в качестве сходства: от Аристотеля (сходства отношения между идеями с отношением между вещами) до раннего Витгенштейна (предложение как изображение положения дел). Необязательность трактовки соответствия в качестве сходства, многообразие возможных его форм: соответствие как согласованность, правилосообразность и т. д.

Аргументы К. Поппера в пользу классической, корреспондентной концепции истины: критика «философии критериев», утверждение независимости классического определения от критериев; использование семантического подхода А. Тарского в его реалис-

тической интерпретации и критика релятивизма; трактовка объективной истины как абсолютной, тезис о возможности лишь бесконечного к ней приближения.

Тема 10. **Истина и коммуникация**

Смежные категории: правда, заблуждение, ложь и ложность и т. д. Категории правды и лжи в естественном языке. Ложь и ирония. Проблема онтологического статуса субъективных аспектов познания. Смещения субъективного соответствия – правдивости с объективным соответствием – истинностью в релятивизме. Онтологическая обусловленность правдивости познающим субъектом и абсолютная онтологическая нейтральность истинности как соответствия. Независимость истинности суждений познающего субъекта от его талантов, моральных особенностей, политических пристрастий и т. д.

Тема 11. **Анализ истинности и значения в философии языка**

Семантическое определение истины А. Тарского и споры вокруг его интерпретации. Объективность истинности и ложности как независимость соответствия/несоответствия делаемых утверждений от конкретного языка, от его значений и от принимаемой, согласно данному языку, онтологии. Синтетические концепции истины в современной философии языка: три аспекта истины в семиотике Ч. У. Морриса и трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля, синтез корреспондентной и когерентной концепций в философии Д. Дэвидсона и др.

Раздел IV ПОЗНАНИЕ И ЯЗЫК

Тема 12. **Многоаспектность языка и многообразие философских концепций языка**

Язык в узком и в широком смысле слова. Семиотика как общая теория знаков и знаковых систем. Иконические, индексальные и символические знаки. Язык как предмет философии, проблема

онтологического и эпистемологического статуса языка. Семантика, синтаксис и прагматика как основные измерения в знаковых концепциях языка. Ведущие направления современной философии языка, их основные категории и методы: аналитическая, герменевтическая и (пост)структуралистская парадигмы.

Основные категории структурной лингвистики: 1) знак как единство означающего и означаемого, менталистская концепция знака, его произвольность и немотивированность, исключение из рассмотрения обозначаемого знаком объекта; 2) язык как система знаков, структурная концепция значения знака; 3) язык и речь; 4) синхронический и диахронический методы исследования. Методы и категории структурной лингвистики в гуманитарных науках. Структурная антропология К. Леви-Строса. Анализ мифа и идеологии ранним Р. Бартом. Постструктуралистская реакция на категории «знак», «структура» и другие категории классической семиотики.

Язык, мысль и мышление: различие проблемы зависимости мысли от языка от проблемы зависимости мышления от языка. *Язык и речь* в процессе мышления: речь и мысль, символическое значение языка и т. д. Релятивистские подходы: гипотеза лингвистической относительности как абсолютизация естественного языка, онтологическая относительность как зависимость референции от языка теорий, концепции несоизмеримости в философии науки. Идея языковых каркасов Р. Карнапа и концепция онтологической относительности У. Куайна. Реалистические концепции и их аргументы против релятивизма. Аргументы К. Поппера, Х. Патнэмома и Д. Дэвидсона против релятивизма.

Проблема индивидуального языка (Л. Витгенштейн, С. Крипке), аргументы «за» и «против» его возможности.

Тема 13. Проблема значения

Значение референциальное и значение языковое (смысл). Переводимость референциальных значений и непереводаемость смысловых. Проблема познавательной ценности утверждений тождества. Значение введенного Г. Фреге разграничения между смыслом и значением различных языковых выражений – имен и высказы-

ваний. Соотношение между смыслом, значением именем по модели семантического треугольника Отдена и Ричардса. Значение и смысл высказывания. Языковое значение (смысл) и проблемы референции. Независимость истинности и ложности от языкового значения (смысла). Эпистемологические и онтологические аспекты проблемы референции.

Раздел V

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ. ПОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ. ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРЕС

Тема 14. Проблема социальной и культурной обусловленности познания

Ограничение социальной, культурной и идеологической обусловленности познания лишь областью *признания* истины либо ложности и абсолютная независимость от социальных, культурных и идеологических факторов истинности или ложности самих по себе.

Проблема обусловленности *процесса* познания и проблема содержательной обусловленности получаемых *знаний* как различные проблемы. Зависимость научного познания от нужд производства и техники как проблема социальной обусловленности *процесса* познания при независимости от данных факторов *результатов* научного познания. Объективность и универсальность всякого научного знания. Проблемы социальной, культурной и идеологической обусловленности социального и гуманитарного познания. Проблема взаимоотношения *знания* и власти. Проблема онтологической зависимости познаваемого объекта от субъекта и получаемых знаний области социального познания. Абсолютизация онтологической зависимости познания и содержания получаемых знаний от социальных и культурных факторов как путь к релятивизму и нигилизму. Проблема единых, общезначимых критериев научности, равно пригодных как для естественных, так и для гуманитарных и социальных наук.

Тема 15. Познание и интерес. Понятие и критика идеологии

Зависимость практического знания и независимость теоретического знания от частных интересов познающего субъекта. Бескорыстная мотивация как необходимое условие высшей творческой деятельности в области науки и искусства. Идеалы блага, истины и красоты как основные мотивации всякой претендующей на общечеловеческую значимость творческой деятельности. Ошибочность концепций, связывающих содержание результатов научного и художественного творчества с частными и/или групповыми интересами. Опосредованный характер влияния интереса на теоретическое познание. Неангажированность содержания всякой объективной научной теории. Влияние интересов на *направленность* познавательной деятельности, на выбор предмета и проблемного поля исследований. Независимость от внешней мотивации самих проблем. Различия в форме и степени влияния частных интересов в области гуманитарных, социальных и естественных наук.

Определение и история понятия идеологии. Понятие идеологии: от французских идеологов до М. Бахтина. Современные концепции идеологии. Идеологическая обусловленность гуманитарного познания, возможность его зависимости от потребностей существующих властных структур (исследования М. Фуко в области истории психиатрии и норм сексуальной морали, а также его концепция «Эпистем»). Цивилизационные концепции развития человеческой культуры (О. Шпенглер и др.). Проблема влияния национальных особенностей на процесс познания (Г. Гачев и др.).

ОСНОВНАЯ УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альберт Х.* Трактат о критическом разуме. М., 2003.
Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993.
Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология. М., 1998.
Брянник Н. В. Введение в современную теорию познания. М., 2003.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.

Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1998.

Куайн У. Слово и объект. М., 2000.

Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980.

Лойфман И. Я., Руткевич М. Н. Основы гносеологии. Екатеринбург, 1996.

Пап А. Семантика и необходимая истина. М., 2002.

Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998.

Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002.

Поппер К. Р. Логика научного исследования. М., 2004.

Поппер К. Р. Объективное знание. М., 2002.

Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004.

Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.

Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.

Рассел Б. Человеческое познание (любое изд.).

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1977.

Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998.

Теория познания: В 4 т. / Под ред. В. А. Лекторского и Т. И. Ойзермана. М., 1991–1993.

Фреге Г. Избранные работы. М., 1997.

Хилл Т. И. Современные теории познания. Новосибирск, 1965.

Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977.

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Движение к объективности начала XX века (4 ч)

1. Понятие систематической философии.
2. Проблема субъекта и объекта в эпистемологии: история и теория.
3. Концепция цикличности объективного познания Ф. Brentano.
4. Переход от вопросов о происхождении и источнике знания к анализу его истинности в конце XIX века.
5. Объективность мысли и знания в концепциях «третьего мира». Мысль и представление.
6. Фундаментальные принципы европейской рационалистической традиции.

Литература

Основная

- Гильдебранд Д. фон.* Что такое философия. СПб., 1997. Гл. 5. С. 229–263.
- Пассмор Дж.* Сто лет философии. М., 1998. Гл. 8 (до Англии). С. 134–149.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. Гл. 8, § 2. С. 270–276.
- Серль Дж.* Рациональность и реализм: что поставлено на карту // Путь. 1994. № 6. С. 192–204.
- Твардовский К.* Франц Brentano и история философии // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М., 1997. С. 193–210.
- Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 18–48 (или любое другое изд.).

Дополнительная

- Гуссерль Э.* Идея феноменологии // Фауст и Заратустра. СПб., 2001. С. 160–197.
- Петров М. К.* Дискуссии теологов и разработка категории объективного бытия (*esse objectivum*) // Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 293–312.

Тема 2. Проблема природы знания. Философские концепции знания и его виды (4 ч)

1. Знание, мнение и вера: категории, их разграничение и критерии (И. Кант).
2. Критика идеи непосредственного знания Ч. С. Пирсом.
3. «Знание-знакомство» и «знание по описанию» (Б. Рассел).
4. «Эпистемология без субъекта знания» (К. Поппер).
5. Языковая форма знания и проблема достоверности. Познавательное значение исходных верований, «картины мира», «предрассудков» и т. д. (Л. Витгенштейн).
6. Интерсубъективный характер знания с позиций современной философии языка (Д. Дэвидсон).

Литература

Основная

- Боррадори Дж.* Американский философ. Гл. Дональд Дэвидсон. М., 1998. С. 52–68.
- Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопр. философии. 1991. № 2 (или любое другое изд.).
- Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 672–679.
- Малкольм Н.* Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я ЗНАЮ» // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 234–264.
- Пирс Ч. С.* Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку // Пирс Ч. С. Избр. произв. М., 2000. С. 19–47.
- Поппер К.* Объективное знание. М., 2002. Гл. 3. § 1–4. С. 108–123.
- Рассел Б.* Проблемы философии. Гл. Знание-знакомство и знание по описанию // Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 187–198.

Дополнительная

- Мур Дж. Э.* Достоверность // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 41–63.
- Райл Г.* Понятие сознания. Гл. Знание «как» и знание «что». М., 2000. С. 34–70.
- Черняк А. З.* Проблема оснований знания и феноменологическая очевидность. М., 1998.

Тема 3. Знание и опыт. Проблема априорного знания (4 ч)

1. Понятие опыта. Является ли опыт знанием? Опыт и объект познания.

2. Проблема обоснования как проблема «источников» в классической эпистемологии и ее критика. Догматические трактовки знания: от откровения к поиску «источников».

3. Проблема индукции. Критика индуктивной модели познания.

4. Антифундаментализм в современной эпистемологии.

5. Проблема активности познающего: идея синтетического *a priori* в классической и современной философии.

6. Критика У. Куайном дихотомии аналитическое/синтетическое.

Литература

Основная

Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2003. Гл. 1. С. 35–55.

Витгенштейн Л. Заметки к лекциям об «индивидуальном переживании» и «чувственных данных» // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 39–67.

Гадамер Г. Г. Понятие опыта и сущность герменевтического опыта // Мир философии: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 570–580.

Кант И. Критика чистого разума. Введение (любое изд.); То же // Мир философии. М., 1991. Ч. 1. С. 508–521; То же // Хрестоматия по философии. М., 1997. С. 235–247.

Куайн У. Две догмы эмпиризма // Куайн У. Слово и объект. М., 2000. С. 342–367.

Поппер К. Объективное знание. М., 2002. Гл. 1. С. 12–39.

Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Введение; Гл. Об источниках знания и невежества. М., 2004. С. 15–58.

Поппер К. Р. Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма // Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 452–453, 464–468.

Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 121–133.

Дополнительная

Вайсман Ф. Витгенштейн и венский кружок // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. М., 1998. С. 53–54.

Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 33–50.

Шопенгауэр А. О четвероюм корне закона достаточного основания. Гл. 2–3 // Шопенгауэр А. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 10–24.

Тема 4. Понимание (4 ч)

1. Проблема онтологического значения понимания.

2. Ценности как несубъектные априорные формы. Невозможность психологического обоснования понимания.

3. Понимание и язык. Понимание и текст.

4. Понимание и познающий. Концепция «жизненного мира». Понимание и истолкование.

Литература

Основная

Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2003. § 22. С. 156–164.

Бахтин М. М. Понимание и текст // Хрестоматия по философии. М., 1997. С. 336–353.

Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996. С. 185–195, 203–207, 213–214.

Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание. Гл. 1 // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 40–68.

Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997. Гл. 7, § 2–3. С. 395–403.

Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопр. философии. 1988. № 4.

Поппер К. Объективное знание. М., 2002. С. 161–168, 177–182.

Риккерт Г. Философия жизни. Гл. 3 (любое изд.).

Хайдеггер М. Понимание и толкование // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. Гл. 32. С. 148–153.

Дополнительная

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Гл. Вопрос о субъекте: вызов семиологии. М., 1995. С. 362–412.

Риккерт Г. Философия жизни. Гл. 10 (любое изд.).

Тема 5. Самопознание (2 ч)

1. Знание о себе и его особенности. Значение Другого для самопознания.

2. Критика идеи «внутреннего опыта» (Пирс, Райл).

3. Понятие экзистенциального априори.

Литература

Основная

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Гл. Пространственная форма героя, § 1–5 (любое изд.).

Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. Гл. 12. С. 315–334.

Лакан Ж. Знание, истина, мнение // Семинары. М., 1999. Кн. 2. С. 22–39.

Нилдман Дж. Понятие экзистенциального априори // Бинсвангер Л. Бытие в мире. М.; СПб., 1999. С. 17–36.

Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. Гл. 6. С. 157–196.

Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 195–207; То же // Вопр. философии. 1989. № 2.

Тема 6. Корреспондентная («классическая») концепция истины: определение и основные проблемы (4 ч)

1. Современные варианты классического определения истины.

2. Аргументы К. Поппера в пользу корреспондентной концепции истины.

3. Проблема природы соответствия.

4. Проблема критерия истины.

5. Категория лжи: познание и/или коммуникация?

Литература

Основная

Больцано Б. Учение о науке. Ч. 1: Учение о фундаменте. СПб., 2003. С. 63–76.

Кант И. Критика чистого разума. Ч. 2: Трансцендентальная логика. Введение; О делении общей логики на аналитику и диалектику (любое изд.).

Остин Дж. Истина // Остин Дж. Избранное. М., 1999. С. 290–307; То же // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология. М., 1998. С. 174–191.

Поппер К. Предположения и опровержения. М., 2004. Гл. 10, § 2.

Поппер К. Факты, нормы и истина // Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 441–451.

Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. Гл. 21. С. 327–346.

Рассел Б. Факт, вера, истина и познание // Мир философии: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 643–656; То же // Человеческое познание. Ч. 2, гл. 11 (любое изд.).

Дополнительная

Вайтрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–86.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. Гл. 9. С. 301–320.

Тема 7. Истина и язык. Неклассические концепции истины (4 ч)

1. Семантическое определение истины А. Тарского: классическая (корреспондентная) и неклассические его интерпретации.

2. Когерентная концепция. Д. Дэвидсон и Р. Рорти.

3. Неклассические концепции истины: прагматическая концепция, онтологические концепции.

4. Проблема языковой обусловленности истины в современной философии.

Литература

Основная

Джеймс У. Прагматистская концепция истины // Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 283–298.

Дэвидсон Д. Когерентная теория истины и познания // Метафизические исследования. СПб., 1999. Вып. 11. С. 245–260.

Патнэм Х. Введение к книге «Реализм и разум» // Современная философия науки. М., 1996. С. 209–220.

Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология. М., 1998. С. 90–130.

Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 8–28.

Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии // Вопр. философии. 1996. № 9. С. 46–58.

Дополнительная

Апель К.-О. Трансформация философии. Гл. Язык и истина в современной ситуации философии. М., 2001. С. 33–61.

Захаров А. А., Петров Ю. А. Принципы истинности [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dr-gng.dp.ua/library/zp/zp1.htm>

Теория познания: В 4 т. М., 1991. Т. 2. Гл. 19. С. 402–424.

Рорти Р. Прагматизм, Дэвидсон и истина // Метафизические исследования. СПб., 1999. Вып. 11. С. 260–287.

Тема 8. Познание и язык. Знаковые средства познания (4 ч)

1. Мысль и язык. Гипотеза лингвистической относительности.

2. Реализм и релятивизм в современной философии.

3. Роль знаков в процессе познания. Проблема классификации знаков.

4. Символ и знак. Единство чувственного и рационального в символе.

5. Символ и интуиция. Символизм и интуитивизм в эпистемологии.

6. Проблема индивидуального языка.

Литература

Основная

Бибихин В. В. К онтологическому статусу языкового значения // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 231–241.

Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: избранные тексты. М., 1993. С. 144–159.

Карнап Р. Значение и необходимость. Гл. Эмпиризм, семантика, онтология. М., 1959.

Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке // Логос. 1999. № 1 (11). С. 151–186.

Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002. Гл. 5. С. 139–170.

Пирс Ч. С. Логика как семиотика: теория знаков // Метафизические исследования. СПб., 1999. Вып. 11. С. 199–217.

Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999. Гл. 1. С. 1–21.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М., 2003. С. 157–202.

Дополнительная

Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. Гл. 3. С. 51–73; Гл. 5. С. 94–129.

Сепир Э. Символизм // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 204–209.

Хаккинг И. Почему язык важен для философии? // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология. М., 1998. С. 263–288.

Тема 9. Смысл и объект (языковое значение и референция)

(2 ч)

1. Язык и онтология. Гипотеза онтологической относительности. Слово и объект. Высказывание и объект.

2. Слово и термин. Значение определений в познании.

3. Смысл и значение. Смысл как посредник между языком и миром.

4. Проблема указания. Указание и существование.

Литература

Основная

Куайн У. О том что есть // Куайн У. Слово и объект. М., 2000. С. 325–341.

Кьюнг Г. Мир как ноэма и как референт // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология. С. 302–322.

Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. Гл. 10. С. 237–261.

Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. М., 1983; 2-е изд. М., 2001.

Письма Г. Фреге Э. Гуссерлю // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 154–159.

Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 7–23.

Рассел Б. «Principia mathematica»: Философские аспекты // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 19–27.

Флоренский П. А. Термин // Мир философии: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 563–570.

Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 25–50.

Дополнительная

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2 // Логос. 1997. № 9. С. 25–42.

Куайн В. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996. С. 40–59.

Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 161–177.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. М., 1997. Т. 4.

Хилл Т. И. Современные теории познания. М., 1965.

Тема 10. Проблема культурной и социальной обусловленности познания. Знание, идеология и власть (4 ч)

1. Теория и риторика (по материалам дискуссий в журнале «Логос»).

2. Различие и общность критериев научности естественного, социального и гуманитарного познания.

3. Совместима ли гениальность с доминантой частного, эгоистического интереса? Независимость результатов всякого высокого творчества в искусстве и науке от частных интересов субъекта (П. В. Симонов).

4. Проблема культурных детерминант познания. Философское мышление и культура.

5. Проблема влияния национальных особенностей на процесс и результаты познания.

6. Проблема социальной обусловленности познавательного процесса. «Социология знания».

7. Критика идеологии. Возможно ли внеидеологическое познание? Знание и власть.

Литература

Основная

Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2003. Гл. 4. С. 105–127.
Дискуссия: Теория и риторика // Логос. 2000. № 1 (22).

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 72–81, 126–130.

Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. Гл. 1 (любое изд.).

Зандкюлер Г. Й. Критика и позитивная наука. К эволюции Марксовой теории // Историко-философский ежегодник '90. М., 1991.

Пятигорский А. М. Интервью // Вопр. философии. 1990. № 5. Или: *Он же.* Индивид и культура // Пятигорский А. М. Избранные работы. М., 1996. С. 273–297.

Серль Дж. Сознание, мозг и наука // Путь. М., 1993. Вып. 4. С. 47–56 (Разд. Перспективы социальных наук).

Симонов П. В. Мозг и творчество // Вопр. философии. 1992. № 11. С. 3–25.

Дополнительная

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гачев Г. Национальный мир и национальный ум // Путь. М., 1994. Вып. 6. С. 128–192.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. Гл. 13. С. 130–143.

Франко Манфредо. Политические аспекты нового французского мышления // Логос. 1994. № 6. С. 315–327.

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. Гл. О смысле чисел. С. 201–247.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

Лекции

1. Знание, мнение и вера. Знание и сомнение. Знание и информация.
2. Знание и опыт (проблема их соотношения). Концепции опыта в эпистемологии. Познание и мышление.
3. Проблема обоснования в классической и современной философии.
4. Идея объективности мысли и критика психологизма в философии начала XX века. Концепции «третьего мира» в эпистемологии.
5. Проблема истины в эпистемологии: основные концепции.
6. Язык и мышление, язык и мысль. Язык и речь в процессе мышления.
7. Познание и язык. Гипотеза лингвистической относительности и ее критики.
8. Реализм и релятивизм в современной философии.
9. Проблема истины в эпистемологии: основные концепции.
10. Истинность и достоверность.
11. Классическое определение истины.
12. Познание и коммуникация. Истина и правда. Ложность и ложь.
13. Значение заблуждений в познании.
14. Проблема критерия истины.
15. Проблема объективности истины. Истина и признание истинным. Абсолютность истины и ее языковые основания.
16. Истина и язык.
17. Язык как система знаков. Учение о знаке и языке Ф. де Соссюра.
18. Знак и значение в семиотике. Классификация знаков. Типы дискурса.
19. Познание и интерес. Познание и идеология.
20. Философия языка – герменевтическая, структуралистская и аналитическая – и проблемы современной эпистемологии.
21. Значение и смысл имени, значение и смысл высказывания.

22. Семантика и эпистемология.
23. Семантическая концепция истины А. Тарского и ее последующие интерпретации.
24. Синтетические концепции истины.
25. Проблемы самопознания. Знание себя и его особенности.

Семинарские занятия

1. «Движение к объективности» в философии XIX–XX вв. (Дж. Пассмор).
2. Объективность мысли и субъективность представления (Г. Фреге).
3. Основные принципы «Западной Рационалистической Традиции» (Дж. Серль).
4. Эпистемология без субъекта знания и концепция «третьего мира» К. Поппера.
5. Анализ Н. Малкольмом выражения «Я знаю...».
6. К. Поппер: «Об источниках знания и невежества» (введение к книге «Предположения и опровержения»).
7. Априористическое обоснование всеобщности и необходимости научного познания у И. Канта.
8. Критика У. Куайном дистинкции синтетическое/аналитическое («Две догмы эмпиризма»).
9. Основные идеи работы Р. Карнапа «Эмпиризм, семантика, онтология».
10. Семантическая концепция истины А. Тарского.
11. Проблема критерия истины: И. Кант, К. Поппер, Б. Рассел.
12. «Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку» (Ч. С. Пирс).
13. Критика интуиции и «переживания» как возможных оснований эпистемологии Г. Риккертом («Философия жизни»).
14. Традиционное и герменевтическое истолкование опыта (Г.-Г. Гадамер).
15. Границы знания и веры по работе Л. Витгенштейна «О достоверности».
16. Категории истины и языка в работах К. Поппера.
17. Концепция истины Д. Дэвидсона по его работе «Когерентная теория истины и познания».

18. Проблема обоснования, критика идеологии и интерпретация гуманитарных наук Хансом Альбертом.

19. Структурный анализ идеологии Р. Барта (гл. «Миф сегодня» в «Мифологиях»).

20. Языковые основания концепций истины в современной философии (по работе Я. Хинтикки «Проблема истины в современной философии»).

21. Г. Фреге: «Смысл и значение».

22. «Знание-знакомство» и «знание по описанию» (Б. Рассел).

23. Критика релятивистского тезиса о непереводаемости и идеи языка как «концептуальной схемы» (Д. Дэвидсон).

24. Указание и существование (Б. Рассел, У. Куайн).

25. «Две концепции рациональности» (Х. Патнэм).

26. Теория и риторика (по материалам дискуссий в журнале «Логос»).

УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К РАЗДЕЛУ III

ПОЗНАНИЕ И ИСТИНА

Для анализа проблемы истины необходимо использовать некоторое понятие о знании. Мы считаем, что человеческое знание представляет собой отношение между людьми, предложениями и положениями дел. Когда положение дел именно таково, как утверждается в предложении, тогда, в соответствии с нашей теорией, это предложение истинно. А когда кто-то уверен, что истинное предложение является истинным, мы говорим, что этот человек обладает знанием.

Следовательно, между человеком и предложением существует отношение уверенности. Между предложением и положением дел существует отношение «соответствия». Отношение между этими двумя отношениями есть знание. Таким образом, «я знаю, что парадная дверь закрыта» означает: «я имею уверенность, что суждение “парадная дверь закрыта” соответствует фактическому положению дел с парадной дверью, и к тому же оно, несомненно, ему соответствует».

Мы считали также, что существует разница между тем, что является истинным, и тем, о чем известно, что оно истинно... Ведь ошибка представляет собой отношение уверенности между человеком и предложением именно в тот момент, когда предложение не соответствует фактическому положению дел¹.

Знание – это такая информация, которая:

– обоснованно признается истинной: имеет достаточные **объективные** основания для признания ее истинности;

– признается истинной: имеет достаточные **субъективные** (личностные, идеологические, культурные и т. д.) основания для признания ее истинности тем или иным субъектом;

– является общезначимой и **интерсубъективной** (говорить «я знаю, что...» можно лишь кому-то другому);

¹ Данем Б. Гигант в цепях. М., 1984. С. 124.

– обладает *целесообразностью* – ценностью, значением и подобными атрибутами (прагматический критерий заключается в успешном *разрешении* некоторого реально существующего *сомнения*).

Можно отметить *рефлексивный* характер знания как основание его противопоставления опыту: знание не является ощущением, переживанием или некоторым иным *состоянием сознания*. В частности, нет и не может быть никакой претендующей на научность философии там, где вместо понимания смеются и/или плачут (Б. Спиноза), где что-то «переживают», вместо того чтобы думать².

Проблему достоверности знания следует отличать от проблемы истинности. Например, вопрос об «источниках» наших концепций не имеет никакого отношения к вопросу об их истинности и обоснованности, хотя может иметь некоторое отношение к вопросу об их достоверности.

Поиск «источников» и понимание истины в качестве их «открытости» как продолжение толкований истинности в качестве откровения. Идея «очевидности» и вопрос: очевидно *для кого?* Очевидность как истинность, гарантируемая Богом (Декарт). Поиск избранных и недостойных «узрения» истины как неизбежный путь к авторитаризму и догматизму: если истинность некоторого утверждения признается всеми, то никто не будет озабочен проблемой ее критерия (где нет сомнения, нет и исследования – Ч. С. Пирс). Если же истинность некоторого утверждения признается не всеми, то утверждать, что ее критерием является *очевидность*, означает

² «Порядок переживания и порядок знания – это, разумеется, не одно и то же. Можно полагать, что в известном смысле никакое научное знание (а не только филология) “не имеет отношения к непосредственному переживанию” и что именно потому оно и может быть наукой, что отвлекается (и в анализе и в изложении результатов познания) от непосредственного переживания. Природа знания и природа реального тоже различны. Концепт собаки не лает и не утешает нас собачьей преданностью, а структуры семьи и брака не согревают, как домашний очаг. Но нас может согреть или потрясти художественный образ Каштанки, равно как и картины семейной жизни у Льва Толстого. Весь вопрос в том, зачем философам эти привилегии поэтов и художников?» (Автономова Н. Философия и филология // Логос. 2001. № 4(30). С. 98).

требовать от других *слепого* согласия с моей собственной убежденностью, с моей собственной очевидностью.

Проблему истины целесообразно рассматривать как проблему *языкового* выражения наших знаний. В семиотике у языка выделяют три основных измерения: синтаксическое, семантическое и прагматическое. Если считать, что истина необходимо выражается в некотором языке, то основными концепциями истины следует считать: 1) когерентную, отображающую синтаксический аспект адекватного использования языка в процессе познания; 2) корреспондентную, или «классическую», отображающую семантический аспект языка в процессе познания и 3) прагматическую – прагматический аспект языкового значения. Все остальные концепции могут быть сведены к этим трем. Например, онтологическая концепция сводима к классической и/или прагматической, конвенциональная – к когерентной и т. д. Невозможно понимать истину иначе, чем в качестве соответствия (в предельно широком значении данного слова), но последнее допускает три основных и множество побочных трактовок. Что же это за «соответствие»?

Впервые определение истины в качестве соответствия наших знаний действительности стал последовательно разрабатывать Аристотель (позиция Платона, несмотря на отдельные высказывания в духе корреспондентной концепции, больше склонялась к онтологическому пониманию), его определение стало самым influentialным на протяжении более чем двух тысячелетий и поэтому называется *классическим*. «Когда о существующем говорится, что оно существует, а о несуществующем – что оно не существует, тогда говорится истина». Следует заметить, что истина для Аристотеля – это не само существующее, а то, что о нем *говорится*; истина – это характеристика не сущего самого по себе, а *сказанного* о сущем. «Ведь ложное и истинное не находятся в вещах... а имеются в рассуждающей мысли»³. Это весьма важно. Аристотель подчеркивает, что истина не может рассматриваться как сущее в обычном смысле, истинное и сущее – это весьма различные вещи. Другое дело, что, по Аристотелю, есть особый тип бытия,

³ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 186.

который принадлежит «человеческому» интеллекту, рассматривающему соответствие/несоответствие мыслимой вещи с реальностью. В кавычках потому, что ближе к историческому Аристотелю было бы сказать не «человеческому интеллекту», а *отражению в разумной части нашей души божественного ума*, определения которого есть вечно существующие истины: «...Они ведь истинны не временами и причина их бытия не в чем-то другом, а, наоборот, они сами причина бытия всего остального». За фасадом аристотелевой трактовки истины в качестве корреспонденции сохраняется онтологический остаток в виде идеального, вневременного бытия идей божественного «Нуса», который есть и «изначальное», и «причина» всего остального.

Не менее определенно выражается Б. Больцано, отметивший, что «истина не обладает *наличным* бытием», что бытие истины никоим образом не есть бытие *сущего*. Интересно также решает проблему взаимоотношения истины и бытия Н. Гартман, который замечает, что мы можем вполне осмысленно говорить и рассуждать об «относительной истине», но всякая речь об «относительности бытия» бессмысленна. Отсюда, по его мнению, следует, что недопустимо говорить об истине как о некотором виде бытия, понимаемого в качестве сущего. Аргумент Гартмана интересен еще и тем, что в данном случае философская проблема решается в духе современной философии языка – на основе анализа осмысленного употребления языка⁴.

В концепции Аристотеля учитывается и *логический* (синтаксический) аспект истины: «Когда в речи (высказывании) соединяется (разделяется) то, что соединено (разделено) в самой действительности, тогда *речь* (высказывание) истинна». Истина у Аристотеля всегда есть *истинность*, которой противоположна не ложь, а *ложность*.

⁴ Впрочем, не менее изящны и порой более лаконичны «лингвистические» аргументы Канта: в области гносеологии – разграничение высказываний аналитического и синтетического типа, в области этики – побудительных высказываний категорического и гипотетического типа, в области онтологии – экзистенциальных высказываний, в области чувственного созерцания – языкового выражения трансцендентальной апперцепции («я мыслю»), в философии искусства – высказываний с эстетическими предикатами и т. д. Лингвистические аргументы Канта никогда не сопровождаются ненужной болтовней о самом языке.

Необходимо также подчеркнуть, что классическое отношение соответствия устанавливается от высказываний к положению дел, но никак не наоборот. Познающий дискурс ничего не производит и не изменяет в самих вещах: «Так вот, не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду»⁵. Конечно, помимо объективного познания существуют возможности *технического* использования дискурса, использования языка для порождения в будущем таких вещей и событий, которых нет (не существует) в настоящем. В частности, таковы все наши *оценочные* суждения, содержащие аспект практического отношения и подводящие действительность под некоторые ценности: отношение соответствия устанавливается здесь от встречаемого положения дел к заранее принятому аксиологическому дискурсу. Однако поскольку нас интересует исключительно познание, постольку от всех технических и аксиологических форм дискурсивности мы абстрагируемся, оставляя эту проблему для онтологии, социальной философии и других областей философского исследования.

Представляется, что классическое определение, несмотря на все возникающие проблемы, наилучшим образом раскрывает когнитивное значение истины. Классическое определение является своего рода абстракцией, предназначенной для анализа именно *познания*, ибо категория истины может использоваться и за рамками теории познания – в онтологии, этике и других областях философии (неклассические концепции иногда связаны с некогнитивным употреблением данной категории).

В настоящее время классическое определение необходимо формулировать в свете той или иной философии языка. Всякое знание имеет некоторую *языковую* форму, и именно последняя (согласно определению и в свете той или иной из современных концепций философии языка) должна каким-то образом соотноситься с действительностью. Кроме того, корреспондентная концепция в своем традиционном варианте отвлекается от проблем *коммуникации*, что делает проблему intersubjectивности особенно острой и требует внесения дополнительных уточнений. Однако мы вовсе не счи-

⁵ Аристотель. Метафизика. С. 250.

таем, что классическое определение малоприспособно или что его следует заменить. Абстракции выступают необходимым компонентом всякого рационального мышления, и было бы крайне неразумно пытаться совершенно устранить их из философии. Введение некоторых абстракций, осознание их в качестве таковых и возможность их последующего исключения – необходимые элементы всякого теоретического познания.

Интерпретацию классического определения мы начнем с рассмотрения тех слов русского языка, которые близки по значению к слову *истина* или тесно с ним связаны. Первое из интересующих нас слов – это слово *правда*, и сам язык поработал над разграничением значений слов *правда* и *истина*. Говорить об истине, не рассматривая при этом правды, можно лишь в случае пренебрежения языковым значением, в русском языке категория правды является доминирующей (по отношению к истине). Было бы хорошо, если бы переводчики философской литературы не считали философию набором заумных терминов, а учитывали данную особенность русского языка, тем более что понятие правды и правдивости значимо и для всякого представителя европейской культуры, даже если оно и не выделяется в лексике соответствующего языка.

Русский язык может способствовать прояснению значений категорий правды/истины. Не следует пренебрегать полученными в результате эволюции языка смыслами, которые далеко отошли от первоначальной этимологии слов. Каждый согласится, что *правда* – это *противоположность неправды* (в современном русском значении слова *правда* определяется уже не этимологией, а противоположным ему по значению словом *неправда*), и каждый знает, что неправда – это когда человек говорит не то, что он думает. Синонимами неправды являются *ложь*, *вранье*, *обман*. Следовательно, правда – это когда человек говорит то, что думает, *даже если последнее не соответствует действительности*. Правда определяется не как объективное, а как *субъективное* соответствие между нашими утверждениями и нашими убеждениями, правда множественна – у разных людей может быть различная правда (например, когда коммунисты говорили то, в чем были убеждены, они говорили правду). Можно даже было бы согласиться с Прота-

гором, если только сказанное им не распространять и на истину, что у каждого человека имеется своя собственная правда. В области человеческих убеждений имеет место релятивизм, и *всякое убеждение правдиво*. Правда – это сообщение того, что признается данным индивидом в качестве истинного, даже если его мнение ошибочно, ложно. Однако даже если всякое убеждение правдиво, это еще не значит, что всякое убеждение соответствует действительности – из правдивости убеждения не следует его истинность (вот где хорош и силен русский язык, разграничивающий категорию истины и правды!). Протагор же смешивает одно с другим.

Не во всех языках имеется слово, которое дополняло бы слово *истина* в рамках оппозиции объективное/субъективное, как это мы находим в русском языке. Интересующий М. Хайдеггера аспект греческой «алетей» ближе к русской «правде», чем к «истине», и когда Хайдеггер размышляет об «алетей», он говорит о том, что мы привыкли именовать «правдой». В пользу такой интерпретации – если, конечно, мы согласимся с утверждаемой Хайдеггером связью между «алетейей» и свободой – говорит то, что правдивость может рассматриваться как непосредственное проявление свободы, истинность же высказываний еще не свидетельствует о наличии последней. Таким образом, экзистенциальная философия Хайдеггера, стремящаяся стать фундаментальной онтологией, превращает не только самого человека в модус бытия – в *dasein*, но превращает и человеческую правдивость в «несокрытость» бытия. Правдивость переходит из человеческого свойства в свойство бытия. Экзистенциальная философия становится фундаментальной онтологией.

Мнение Хайдеггера, что европейское человечество, разрешая двойственность Платона в трактовке истины, избрав вместо онтологического понимания корреспондентное, пришло к «забвению бытия», представляется достаточно спорным. Мы должны, конечно, согласиться, что онтологические концепции неустранимы, что они будут возрождаться всякий раз, когда будут признаваться те или иные сверхъестественные первоосновы сущего (от природных духов до бытия), ибо только онтологические трактовки по-настоящему отвечают потребностям мифологического и религиозного сознания, которое будет существовать, пока существует человек.

Однако мы не просто люди, мы к тому же наследники европейской культуры, европейской рациональности⁶, которая немыслима без понимания истины в качестве соответствия.

Правдивость синонимична откровенности, открытости. В то же время не следует путать открытость с искренностью. Открытость может быть и тихой, и заикающейся, и даже немой. Хайдеггер прав, считая открытость *онтологической* характеристикой. Искренность же – лишь убеждающая других *форма выражения* открытости. Искренний тон умеет создавать и любой интриган, подлец и обманщик. Лишь правдивость обладает онтологическим достоинством. Правда – категория *прагматики*, поэтому определение «алетейи» у Хайдеггера можно классифицировать как *прагматико-онтологическое*. Однако онтологию правдивости не следует путать с истинностью, которая не знает автора, не знает субъекта. Хайдеггер же смешивает одно с другим. Правдивость можно интерпретировать как субъективно-онтологический (откровенность) модус признания чего-то в качестве истинного. Это понимали уже стоики, которые отличали персональное состояние правдивости от истинности сказанного, различали, как говорит К. Поппер, объекты «второго мира» (правда) и объекты «третьего мира» (истинность). В истинности или ложности наших утверждений нет ни грана психологии.

Можно согласиться с онтологичностью правды, но *истину* никак нельзя сводить исключительно к экзистенциально-онтологической прагматике. Истина не зависит от того, *кто* говорит. Является ли говорящий умным или глупым, опытным или не очень, мужчиной или женщиной и т. д. В отношении правдивости такая постановка вопроса имеет определенные основания (если, конечно, не абсолютизируется): лишь свободный, ответственный и разумный человек по-настоящему правдив. Ф. Ницше даже считал, что правдивость – онтологическая характеристика не человека, а только

⁶ В частности, в досократиках нас больше восхищает вовсе не само по себе содержание их мифов (хранящих якобы нечто сверхъестественно ценное, подвергнутое нами «забвению»), а наоборот – их рациональная критичность в обращении с собственными мифами, изменяемыми и даже бескомпромиссно разрушаемыми всяким новым поколением, рождающая бесконечную перспективу исследования истины.

сверхчеловека. Однако ничего подобного уже нельзя сказать об *истинностных* характеристиках наших утверждений. Полагать, что у *истинности* могут иметься собственники, некорректно. Истина *интерсубъективна и общезначима* (данные категории могут пониматься и как независимые, и как взаимоопределимые).

Правдивое утверждение необходимо *претендует* на истинность, даже когда оно впоследствии оказывается ошибочным, т. е. ложным. Правдивое утверждение претендует на истинность и в случае, когда объективные основания для этого есть (знание), и когда таковых нет (вера). Правда может быть и знанием, и верой (верования, как мы видели ранее, отличаются от знания тем, что не имеют достаточных объективных оснований).

Можно ли не знать правду? Можно, но только если это чья-то *чужая* правда. Не знать же о правдивости или лживости своих собственных слов человек не может. Поэтому аргумент Гегеля, гласящий, что для того, чтобы *говорить правду*, необходимо ее «знать», ошибочен. Ошибка в том, что не ведать свою собственную правду – в том смысле, чтобы не иметь вообще никакого мнения (веры) о данной правде – человек никак не может. Незвестная (собственная) правда такой же нонсенс, как неизвестная собственная ложь, абсурдность «неизвестной правды» не уступает абсурдности «ложного знания». В то время как истинность и признание истинности различны, правдивость и уверенность (убежденность) в собственной правдивости неразличимы (по крайней мере, на уровне сознания).

Если определением правдивости можно считать вхождение выражаемого человеком убеждения в систему его действительных убеждений, то критерием правдивости может считаться *взаимосогласованность* высказываемых данным человеком утверждений (для М. Хайдеггера, как мы видели, критерием правдивости, понимаемой как открытость, выступала *свобода*). Вероятно, что эта особенность правды является одним из источников теорий истины как согласованности («когеренции»). Когерентные теории могут казаться нам противоречащими корреспондентным лишь по обычному для философии недоразумению: смешению категорий (правды и истины).

Второе слово русского языка, имеющее непосредственное отношение к проблеме истины, – *заблуждение*. В данном случае этимология слова не во всем расходится с его современным смыслом – заблуждающийся *блуждает*, хочет найти путь, да не может. При этом блуждать можно лишь правдиво, не прикидываясь. Для того чтобы найти путь, одной правдивости обычно недостаточно. Очевидно, что всякое заблуждение – правда, однако еще более очевидно, что не всякая правда является заблуждением. Искреннее стремление к истине, при несоответствии наших убеждений действительности, вполне может иметь место в случае заблуждения, а иногда даже отличает заблуждение от других видов познавательной *ошибки*.

О заблуждении речь уже шла при определении категории знания. Заблуждение – это ложное, но признаваемое истинным суждение. Интересно разграничение Б. Больцано, который считает, что на объективном уровне знания – на уровне «предложений в себе» – мы имеем противоположность истинности и ложности, а на субъективном уровне – на уровне *суждений* – противоположность истины и заблуждения.

Заблуждение есть *поиск* пути к истине – увы, безуспешный! – однако никак не сам искомый путь. Заблуждающийся, конечно, не «блудодей», но и не герой: как бы благородны ни были мотивы совершившего познавательную ошибку, это несколько не может служить основанием для ее сохранения. Ошибка не может считаться неполным (частичным) знанием, как это пытаются доказать гегельянцы. Конечно, иногда вполне допустимо нечто ложное, которое считалось истинным, рассматривать в качестве ушедшего в прошлое *исторического условия* нахождения некоторой истины, однако считать его на этом основании *необходимым* условием данной истины значит совершать слишком уж грубую ошибку. Диалектика никогда – от Сократа до наших дней – не была «путем к истине», но всегда была лишь исключительно методом критики наших собственных *ложных* концепций, одним из средств (наряду с опытом) устранения наших познавательных ошибок.

Итак, заблуждение – это необоснованная претензия на знание. Иногда заблуждением называют такую ошибку, которую познающий наделяет статусом эпистемологической необходимости. В данном

случае упорствование в своих ошибках может, конечно, приводить к случайным открытиям. Например, Колумб открыл Америку, будучи абсолютно уверен, что побывал в Индии. Принцип «где воля – там и путь» иногда срывает, приводя случайным образом к истине (на радость гегельянцам). Однако странно надеяться на систематичность случая.

Если мы договорились понимать истину как соответствие действительности, то истине противоположно несоответствие (познавательная ошибка), но не обязательно обман. Неистинное не всегда является *намеренной* ложью. Например, когда убежденный коммунист доказывает неизбежность наступления коммунизма, он совсем не обманывает, а говорит правду. К сожалению, в классическом определении в слово *ложь* включаются *все* возможные виды *ошибочного* отображения событий, в том числе и заблуждение. Слово *ложь* следует заменить в классическом определении на слово *ложность*, которая и есть противоположность истинности.

В классическом определении рассматривается прежде всего когнитивный и исключается коммуникативный аспект языка, данное определение – эпистемологическая абстракция (но это не значит, что от него следует отказаться). Слово *ложь* в естественном языке указывает в первую очередь на значения, относящиеся к *коммуникации*, и лишь во вторую очередь – к познанию (к познанию относится *ложность* как ошибочность). Классическое определение – теоретическая идеализация, язык «чистого» знания, в котором выражается истина, как бы мертв, на нем невозможно общаться (разве что с Богом). Следствием данной идеализации является возможность истинных утверждений выходить за рамки человеческого знания, ибо можно представить наличие такого соответствия языковых форм и действительности, которое никому из людей неизвестно (например, всеми забытая истинная информация). В этом смысле истина обширней знания, ибо знание предполагает *признание* некоторой информации в качестве истинной. Признание утверждений в качестве истинных сопровождается *убеждением*, или верой (в нерелигиозном смысле). Только наличие убеждений делает информацию *знанием*. Между утверждением и действительностью оказывается *третий* элемент эпистемо-

логических соответствий – убеждение (вера), который связывает проблему истины с проблемами коммуникации.

А. Тарский предложил универсальную языковую схему для выражения отношения соответствия между языком и действительностью. Истинностная схема Тарского имеет форму: «*P*» истинно, тогда и только тогда, когда *p*. Если мы принимаем семантическую версию Тарского и его схему языкового выражения отношения истинности, то вопрос об онтологии предметного языка становится совершенно безразличен. Семантическая концепция истины онтологически нейтральна, в ней вопрос о природе действительности, о том, что следует считать реальным можно оставить за рамками рассмотрения. И природа действительности (метафизика), и природа отношения соответствия (эпистемология) выносятся за рамки чисто семантического анализа.

Будучи таким соответствием между языком-объектом и метаязыком, которое может толковаться как кому заблагорассудится – лишь бы данное соответствие подпадало под истинностную схему, истина совершенно не зависит от языка и от онтологии языка-объекта. Например, схема: «Высказывание “данный студент бьет баклуши” истинно, если и только если данный студент бьет баклуши» сохраняет свою силу определения истины в качестве соответствия *что бы выражение «бьет баклуши» ни означало*, к какому бы языку оно ни относилось. Схема одинаково равным образом пригодна и тогда, когда «бьет баклуши» – значит бездельничает, и тогда, когда «бьет баклуши» означает какую-нибудь экзотическую игру.

Если истинность и ложность наших утверждений никак не зависит от языка и языковых значений, это означает, что всякий перевод некоторого утверждения с одного языка на другой приемлем только в том случае, если истинностное значение переводимого утверждения остается неизменным.

Если истинность несколько не зависит от языкового значения, это еще не значит, что языковые значения не могут оказывать влияния на поиск истины, на процесс познания. Такое влияние установлено даже экспериментально: наличие или отсутствие в языке некоторых цветообозначений *влияет* на возможность решения испытуемыми задач по классификации цветов (Лакофф). Кроме

этого, языковые значения могут оказывать влияние на *признание* либо *непризнание* истинности утверждений. Наиболее выражено подобное влияние языка на оценку результатов познания в идеологиях.

Рассмотрение убеждения (веры) помогает также подвергнуть анализу феномен лжи. Перейдем от *ложности* как противоположности истинности, т. е. ошибочности, ко *лжи*. В одиноком созерцании мира ложь немислима, для лжи нужен кто-то другой, ложь – это *намеренный* обман. Ложь не в том, что мои утверждения не соответствуют действительности, а в том, что я выдаю их в качестве соответствующих действительности кому-то другому, зная о собственной неправде. Ложь, которая себя не сознает, проблематична, в большинстве случаев ложное утверждение становится возможным только при знании истинного. Отсюда следует новое определение правдивости – как соответствия между произнесенным вслух и сделанным про себя утверждением, между высказываниями речи внешней и речи внутренней. Данному пониманию правды и лжи отвечают слова Иисуса Христа: «А Я говорю вам: не клянись вовсе!.. Пусть слово твое будет “да”, если да, и “нет”, если нет. А все что сверх этого, – от Сатаны» (Мф. 34, 37)⁷.

Не напоминает ли данное высказывание Иисуса Христа истинностной схемы семантической концепции истины А. Тарского, который считал вслед за Аристотелем, что раскавычивание соотносит утверждение с действительностью, но, может быть, более корректно интерпретировать семантическую концепцию истины в свете соответствия между утверждениями и убеждениями? Тогда был бы обоснован онтологический нейтралитет определения (на котором настаивает Тарский), ибо тогда это было бы определение *правды* (безразлично к тому, соответствует ли данная правда действительности). Все же Тарский определяет истину, а Иисус Христос – правду, предваряя свои слова призывом «не клянись вовсе» (клятвы имеют смысл лишь для людей, утерявших собственную правдивость).

Ложь – всегда некоторое внутреннее расхождение, некоторое субъективное несоответствие: между словом подуманным и словом

⁷ Канонические Евангелия / Пер. с греч. В. Н. Кузнецовой. М., 1993. С. 143.

сказанным, между словом одним и словом другим, между словом и делом и т. д. Возникают вопросы: а имеет ложь собственный онтологический статус? Чему соответствуют наши ошибочные утверждения? Парменид считал, что всякая ложь утверждает о существовании несуществующего, т. е. небытия. Ложь для него – интеллектуальная «двухголовость»: человек утверждает и о наличии бытия, и о наличии небытия. «Двухголовые» философы говорят, что небытие есть и открывают тем самым двери лжи. Платон попытался обосновать парность категорий и онтологический статус небытия. Правда – не в абсолютном, а в относительном смысле «инобытия». Ложность – это когда одно принимается за другое, за *иное*. Августин считал, что ложь – это двоемыслие. В ситуации лжи говорится одно, а считается истинным совсем другое. «Ложь – это сказанное с целью обмануть».

Систематизируем наши размышления в свете уже трех элементов эпистемологических соответствий: 1) утверждений, 2) убеждений и 3) положений дел. Согласно классическому определению, возможны четыре и только четыре варианта отношений между ними:

1. Утверждение соответствует убеждению, а убеждение соответствует действительности.

2. Утверждение соответствует убеждению, а убеждение не соответствует действительности.

3. Утверждение не соответствует убеждению, а убеждение соответствует действительности.

4. Утверждение не соответствует убеждению, а убеждение не соответствует действительности.

Первый случай, очевидно, удовлетворяет классическому определению истины, так как убеждение соответствует действительности. Он удовлетворяет модернизированному (учитывающему языковую форму) варианту классического определения: утверждение соответствует действительности. Наконец, данный случай отвечает нашему определению правды: утверждение соответствует убеждению говорящего. Второй случай – правдивого, но ошибочного утверждения – отвечает нашему определению заблуждения. Два первых случая исчерпывают правдивые утверждения. Третий случай – ложь в ее наиболее чистом, идеальном виде: человек знает

действительное положение дел (его убеждение соответствует действительности), но намеренно его искажает, т. е. говорит что-то прямо противоположное тому, что думает. Или, более точно и учитывая языковую форму: высказывает вслух утверждение, которое прямо противоположно утверждению, произносимому про себя. Четвертый случай, как и третий, описывает ситуацию лжи: утверждение не соответствует убеждению. Это случай лжи, которая обременена заблуждением, – убеждение не соответствует действительности. Здесь возникает проблема, ибо языковая форма утверждения может при этом соответствовать действительности совершенно случайным для самого говорящего образом. Разрешение данной проблемы видится нам в комбинации корреспондентного понимания истины с когерентным пониманием правды: расхождение между истинностью и правдивостью не может распространяться на большинство взаимосвязанных убеждений, в противном случае разрушается всякая возможность коммуникации⁸.

Возникает вопрос: почему мы все время говорим об истинности именно *утверждений*, а не высказываний, рассуждений, теорий, понятий? Это очень существенный для рассмотрения проблемы приложения истинностной оценки к самой философии вопрос. Дело в том, что, во-первых, не всякое повествовательное высказывание *утверждается* говорящим, достаточно вспомнить многочисленные примеры из художественной литературы и искусства. Во-вторых, высказывание есть одновременно как минимальный, так и максимальный элемент языка, допускающий истинностную оценку. Говоря об истинности «речи», Аристотель имел в виду именно утверждающие *высказывания*: «Из слов вне связи ни одно ни истинно, ни ложно» (категории). Иногда мы говорим все же об истинности или ложности «слов», однако под «словами» в подобных случаях имеются в виду высказывания (образующие предложение слова), которые утверждаются говорящим.

Еще один вариант интерпретации языковой формы заключается в разграничении между выражением знака и его референцией и рассмотрением истинного предложения как такого знака, кото-

⁸ См.: Дэвидсон Д. Когерентная теория истины и познания // Метафизические исследования. СПб., 1999. Вып. 11. С. 245–260.

рый имеет референцию к тому, что он же и выражает. (Выражаемое знаком не может быть истинным или ложным само по себе, так как есть некоторое *представление*.) Я думаю, что при подобном подходе схема Тарского сохраняет свое значение.

Если же рассмотреть такие отдельные слова и словосочетания, которые высказываний не образуют, то подобные слова «не лгут», ибо не способны выражать истину или ложь. В своей работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» Ф. Ницше пытается доказать, что отдельные слова лгут. В качестве аргумента он ссылается на метафоричность слов, на неоднозначность и неопределенность их значений. Однако метафоричность и неопределенность могут успешно сниматься контекстом и порождать весьма точные значения, а могут использоваться и для утверждения лжи. Сами по себе метафоры «не лгут»⁹. Другое дело, что метафоры могут становиться в устах интриганов и обманщиков весьма эффективным и неуловимым – многозначность делает возможным алиби – средством лжи. Но в этом повинен не язык, а сами интриганы и обманщики. Слова и языки не бывают ни истинными, ни ложными. Необходимо, правда, проанализировать еще и практику логиков говорить об истинности *термина*. Не приводит ли подобный способ выражения к недоразумениям?

Г. Фреге вводит отсутствующий в письме знак утверждения. Истинностные значения высказываний начинают толковаться в его концепции как абстрактные объекты: все истинные высказывания имеют одно и то же истинностное значение «истина», а все ложные – истинностное значение «ложь». Смыслом же является выражаемая высказыванием мысль.

В качестве примера языковой формы, *превышающей* отдельное высказывание, рассмотрим силлогизм:

Все коровы – тигры.
Все тигры – травоядные.

Все коровы – травоядные.

Очевидно, что данный силлогизм *правильный*, т. е. заключение *следует* из посылок. Однако так же очевидно, что данное рассуж-

⁹ Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998.

дение некорректно называть истинным (несмотря на истинность его заключения). Совершенно аналогична ситуация и с целыми научными теориями, отличие которых от простого силлогизма в большем числе посылок и обязательном наличии среди последних истинных утверждений (впрочем, и силлогистика изначально предназначалась для извлечения следствий из *истинных* посылок). Для истинностной оценки теорий недостаточно одной классической дефиниции истины. Не случайно К. Поппер – приверженец корреспондентной концепции, согласованной с семантической концепцией А. Тарского, в своих исследованиях соединяет классическую концепцию истинности *высказываний* с фаллибилизмом в трактовке целостных научных *теорий*.

Корректно ли спрашивать об истинном и ложном *содержании* отдельных высказываний? Представляется, что нет. Подобно тому как отдельное, не выражающее высказывания слово не имеет *фактической* истинности или ложности, так и отдельное, не выражающее некоторую теорию высказывание не имеет истины или ложности *логической*, которая возникает лишь при наличии логического вывода как необходимого элемента теории. Что же такое «фактическая истинность» и что такое «логическая истинность»? Всякое ли утверждение должно обладать одной из этих истинностных оценок или следует выделить особую группу утверждений, не имеющих ни той, ни другой истинностной оценки? Можно ли использовать закон исключенного третьего для определения истинности через ложность и наоборот?

Классическое понимание истинности следует распространять на простые и сложные утверждающие высказывания. Если же говорить об истинности систем высказываний – теорий или об истинности отдельных понятий, то термин *истинность* в этих случаях имеет совершенно иные, возможно даже омонимичные классическому, значения. Вероятно, что прагматическое понимание истины как *успешности* в предсказании и объяснении опыта более уместно для языковых форм, превышающих отдельное высказывание. Прагматическое понимание согласуется с классическим, когда истинностная оценка выносится в отношении конкретных утверждений, являющихся *следствиями* из данной теории (эпистемология может сохранить научность только ценой оппортунизма). Однако

вряд ли возможно рассматривать следствия философских теорий вне данных теорий и тем более пытаться найти для них опытную проверку.

В качестве примера формы *меньшей*, чем отдельное высказывание, рассмотрим имя (понятие). Очевидно, что в отношении одного и того же предмета можно образовать более одного понятия, ибо их образование определяется избранным аспектом рассмотрения и познавательными задачами, т. е. чисто *прагматическими* соображениями. Поскольку все прагматические аспекты понятия невозможно выразить пропозиционально, постольку невозможно полностью свести понятие к высказыванию. Следовательно, имена (понятия) оказываются *ниже* уровня языковых форм, допускающих истинностную оценку, лучше говорить не об их истинности, а об их *адекватности* как соответствия задачам познания и рассматриваемому аспекту предмета (см. прагматическое определение значения Ч. С. Пирсом). Имя становится выражением понятия в контексте некоторого определения (дефиниции), которое является высказыванием, не допускающим истинностной оценки. Собственное имя может соотноситься с понятием не только через определение, но и через *описание*. «Мысль в уме человека, использующего собственное имя, может быть точно выражена лишь тогда, когда мы заменим собственное имя дескрипцией» (Б. Рассел). Кроме того, имя и образующее актуальный смысл имени понятие, выражаемое данным именем, зависят от языка, *реляционны* по отношению к языку. Истина же безразлична к языку, ибо всякое выражающее истину утверждение переводимо на все естественные языки (см. критику релятивизма Д. Дэвидсоном).

Рассматривая проблему ценностной нейтральности истинностной оценки в качестве ее независимости от прочих ценностей, необходимо помнить о ценностном аспекте самой этой ценностно-нейтральной оценки. Истина безразлична к прочим ценностям, но сама есть ценность. Это ли хотели сказать баденские неокантианцы? Истинность и оценка разграничиваются в рамках каждого языка по-своему, но отсюда не следует, что этим нарушается нейтральность истины. Жестких границ между истиной и оценкой не существует разве что только в абсолютном, т. е. безотносительном к языку смысле (может это и хочет сказать Х. Патнэм?), однако во всяком сколько-нибудь устойчивом языке эти границы есть.

Можно ли говорить об истинности чувственных форм? Например, об истинности представлений? Когда представление выступает *образом* действительности, оно никак не может выступать в качестве утверждения о существовании или несуществовании чего-либо. Поэтому проблема классической эпистемологии – как сопоставить наши представления с самой действительностью, если последняя сама может быть нам дана лишь в представлении, есть псевдопроблема, ибо сами по себе представления не предназначены для сопоставления с действительностью, функция представлений иная. Кроме того, существуют необразные представления – осязательные, обонятельные, слуховые, говорить об истинности которых было бы совсем бессмысленно.

Рассмотрев коммуникативный и связанный с языком аспект проблемы истины, мы прояснили такие понятия, как *правда*, *ложь* и *заблуждение*. Истина не есть реальный объект (вино, женщина, колбаса...), истина есть реальное *отношение*. Истина может выступать абстрактным объектом лишь в рамках философского дискурса (любой разговор об истине – философский). К сожалению, имена существительные мало пригодны для обозначения отношений. Поэтому, учитывая логику естественного языка, было бы лучше всюду заменять существительное «истина» (*veritas*) на прилагательное «истинность» (*verum*), дабы не возникало особого гипостазированного предмета (объекта) метафизики по имени Истина: «In vino, возможно, и “veritas”, но в трезвом разговоре – “verum”» (Дж. Остин). Итак, существительное «истина» разделяется в области познания на два основных значения: 1) *истинность* – когнитивное значение и 2) *правда* (правдивость) – коммуникативное значение.

Обратимся к проблеме *объективности* истины. Наилучшим образом объективность истины выражена в словах Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Аристотель, вне всякого сомнения, любил и уважал своего учителя – Платона. Почему же он не ставит своего учителя выше какой-то истины? Здесь мы подходим к сути европейской рациональности: никакой авторитет не может рассматриваться выше закона, а в нашем случае – *закона истинности* сделанных утверждений. Для определения истинности/ложности утверждений не имеет никакого значения *кто*

данные утверждения высказал. Вопрос «кто говорит?» не имеет никакого значения. Имеет значение лишь отношение между словами и миром, между утверждениями и действительностью. (Верификационисты говорят о «фактах», но последний термин может порождать ошибочные представления о каких-то конкретных событиях, хотя это вовсе не обязательно – действительность не сводится к простой совокупности событий.)

Каким же образом утверждения могут быть независимы от утверждающего? От утверждающего не зависит лишь наличие или отсутствие *отношения соответствия* между делаемым им утверждением и положением дел. И утверждения, и факты, взятые по отдельности, могут зависеть от воли человека, а вот *отношение* между ними от человеческой воли никак и никогда не зависит. Объективность истины не в том, что она объект – подменять объективность «объектностью» нас подталкивает грамматика имени существительного, – объективность истины есть независимость от человеческой воли, передаваемого именем прилагательным «истинное» (утверждение, мнение и т. д.) *отношения*. Независимость от человеческой воли проявляется в *ценностной нейтральности* истины (истинности и ложности), которая может быть и злой, и горькой, и безобразной, она может быть нежелательной и даже вредной для жизни (Ф. Ницше). Например: «У вас у всех рак», – сказала медсестра больным.

Конечно, считать истину всегда вредной так же некорректно, как считать ее всегда полезной и желанной, вслед за Платоном, т. е. всегда единой с благом и красотой. «Этические соображения оправданы тогда только, когда истина уже установлена: они могут и должны возникнуть при определении наших чувств в отношении истины и как способ организации нашей жизни сообразно с истиной: но не они должны диктовать, какой будет эта истина»¹⁰. Добро – это всего лишь добро, а истина – всего лишь истина, что нисколько не умаляет их значения. Как платонизм, так и антиплатонизм – например, у Ф. Ницше, утверждавшего, что все ложно, что ценность верований определяется исключительно их полез-

¹⁰ Рассел Б. Мистицизм и логика // Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 41.

ностью для жизни (своеобразный прагматизм) – равно чужды объективности, равно порождают метафизические «облака» (пусть и противоположного цвета). Истина связана с ценностями человеческой жизни лишь опосредованным образом, непосредственно же стремление к истине часто противоречит ценностям жизни и требует определенного самопожертвования: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет...» Никакие спекуляции вокруг «жизненного мира», интересов и т. п. вещей не докажут обратного.

Чтобы понять основания платонизма, необходимо вспомнить тройственный характер отношения соответствия: соответствие с действительностью (классическая концепция), соответствие в рамках самого познавательного дискурса (когерентная концепция) и соответствие последующему опыту, практике (прагматическая концепция). Первое соответствие обычно всеми относится к сфере познания, второе и третье платоника склонны трактовать эстетически (иногда логически) и этически соответственно. Все прекрасное когерентно – в этом платоника правы. Благо всегда целесообразно – в этом платоника также абсолютно правы. Но сказать, что все когерентное эстетически прекрасно, или что все целесообразное есть благо будет элементарной логической ошибкой обращения общих тезисов, которое должно производиться с *ограничением*: только *некоторые* формы когеренции эстетически прекрасны; только *некоторые* случаи целесообразности можно рассматривать как благо. Таково отношение между истиной, благом и красотой в самом общем плане. Платонистские концепции истины весьма уязвимы.

Объективность истины можно прояснить через противопоставление процессу *признания* каких-либо утверждений в качестве истинных. Условия признания утверждений зависят от этических, эстетических и прочих значимых для жизни последствий. Однако истинность от таковых не зависит. Так, осуждение Галилео Галилея имело определенные мировоззренческие основания: с точки зрения религии и морали соответствующего времени более целесообразно было признать его концепцию ошибочной. Однако истинность или ложность входящих в концепцию утверждений не зависит от факта признания или непризнания данной концепции в качестве «истинной» (кавычки указывают, что признание

истинности распространяется на языковые формы, превышающие высказывание). Другое дело, что *знание* предполагает необходимое и всеобщее признание, ибо всякое знание имеет intersubъективный характер (если утверждение не признано, оно не включается в категорию знания). Объективность истины – это просто истинность передаваемой *информации*. Из предыдущего вытекает важное следствие – недопустимость, если мы стремимся к истине, аргумента к личности и аргумента к авторитету. К сожалению, данные требования часто нарушаются и в философской аргументации авторитет мыслителя или отсутствие такового порой играют решающую роль («Истина – мой друг, но Платон, Хайдеггер... дороже!»).

Мы пришли к выводу, что признание истинности зависит от коммуникации, а истинность не зависит. *Признание истинности* влияет на наши убеждения и верования, а через них определяет, что будет считаться правдой, а что ложью (обманом). Признание превращает истинное в известное. Известное не может считаться ложным («я это знаю, но мое знание ложно» – самопротиворечиво). В определение «знания» необходимо входит, что оно является такой информацией, которая обоснованно считается истинной, «знанием» может быть названо лишь то, что признается истинным. Все, что считается (признается) знанием, автоматически считается (признается) в качестве истинного. Обратное не верно: не вся истинная информация может быть включена в состав человеческого *знания* – существуют еще не открытые истины («истины в себе» – Больцано), существуют безразличные для человека истины и т. д. На знание как обоснованное признание истинности могут оказывать влияние самые разнообразные социальные и культурные факторы. Поэтому, если социология знания не претендует на «собственную» эпистемологию, то она вполне правомерна как научная дисциплина, ибо знания (рассматриваемые в качестве знания объективные истины, их выбор и сохранение) действительно зависят от желаний и ценностей людей, зависят от *интереса*.

Истинность же любого утверждения – вне власти всего человечества, и благодаря подобному «бессилию», человечество способно изменять сам мир. Истинность не зависит от интереса. Так что пусть себе «человечество» – в виде любой реальной группы или совокупности людей – временами выражает свое недоволь-

ство, топает и хлопает, как, например, при осуждении академика Сахарова, истина от этого не пострадает... Однако для *философии* самой по себе признание истинности часто оказывается достаточным условием, ибо в области философии важен «консенсус» – что *считать*, а что не считать приближением к мудрости, общезначимость которой необъективируема.

Разграничение истинности и признания истинности можно понимать и как разграничение между истиной и *достоверностью*. Н. Гартман обосновывает объективность и абсолютность истины, признавая в то же время некоторые права релятивизма в области определения достоверности нашего познания. Гартман считает, что проблема достоверности непосредственно связана с проблемой *значения*.

Теперь можно определить и что такое *абсолютность* истины. Абсолютность – это безотносительность. Если, например, утверждается, что Сократ был казнен в 399 г. до н. э., то наше утверждение будет истинным вечно, т. е. вне зависимости от времени (условия времени включены в содержание самого утверждения). В данном случае абсолютность является ахроничностью истины. (Здесь может быть даже стоит вспомнить богиню Истину – Дикэ Парменида.) А если, например, утверждается, что Сократ был казнен в Афинах, то наше утверждение будет истинно, где бы оно ни произошло, т. е. вне зависимости от места, ибо условия места включены в содержание самого утверждения (даже марсианин признает, что Сократа казнили в Афинах – городе планеты Земля). Истина абсолютна по отношению к тем условиям истинности, которые вошли в содержание нашего утверждения. Если, например, мы фиксируем условия места, которые значимы для содержания утверждаемого, то истина становится атопичной, независимой от того места, где она утверждается. Внося другие из условий истинности в содержание нашего утверждения, мы достигаем все большей и большей полноты истины, но никогда не достигнем предельной полноты истины (абсолютная истина не может быть «абсолютной», т. е. предельно полной).

Следует отметить, что в силу многозначности (многоаспектности) категории «абсолютное» могут оказаться вполне оправданными и осмысленными самые разные трактовки абсолютности истины. Во-первых, абсолютность истины может трактоваться как

отсутствие степеней сравнения: истинность или ложность наших утверждений не бывает большей или меньшей, в отличие от красоты или безобразности, от добра или зла, и от некоторых других категорий (например, от категории «знание»). Во-вторых, абсолютность может пониматься как переход к *логической истинности*, независимой от фактов (фактических условий истинности).

Признаваемое же истинным лежит в границах человеческого общения, однако, даже согласие всего человечества не может, например, сделать Адольфа Гитлера пацифистом (противоположной точки зрения в отношении полномочий человеческого «консенсуса» придерживается Р. Рорти, ошибочно отождествляющий истинное с признаваемым в качестве истинного). Дело в том, что коммуникация не может породить свой собственный язык из ничего, на пустом месте (как Барон Мюнхаузен, вытаскивающий самого себя из болота за волосы), язык не создается по человеческой договоренности. Кроме того, всегда существует возможность *перевода* с одного языка на другой. Поэтому релятивист, утверждающий непереводаемость (несоизмеримость) значений, должен иметь некоторые стандарты *адекватности* перевода, что уничтожает отстаиваемый им релятивизм¹¹. В той мере, в какой язык не порождается сообщением, а предшествует ему, можно смело говорить об объективности и абсолютности истины. Однако язык может *употребляться* различным и весьма субъективным образом. Л. Витгенштейн показал многообразие языковых игр, многообразные способы употребления одних и тех же языковых инструментов. Как быть с данной проблемой? Всякий инструмент имеет свою форму, свои особенности, а это влияет на возможности его использования в тех или иных ситуациях. Кроме того, правило остается правилом, даже если ему следует лишь один человек. Например, кто-то утверждает, что данная девушка (лошадь, картина и т. д.) красива. Можно ли говорить об истинности или ложности его утверждения? Представляется, что можно. Легче, конечно, оценить его правдивость/лживость. Но, если мы знаем, что *в идиолекте* утверждающего именуется красотой, то мы знаем условия

¹¹ Обоснование данного тезиса см.: Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 144–159.

истинности его утверждения и можем оценить последнее чисто эпистемологически. Обычно мы не знаем этого, что существенно обостряет проблему приложимости истинностной оценки к философским утверждениям (если же философские высказывания нельзя рассматривать в качестве утверждений, то проблема изначально неразрешима).

Теперь обратимся к вопросу о *критерии* истины. Следует сразу же заметить, что проблема критерия никак не влияет на решение вопросов об объективности и абсолютности истины. Классическое определение истины нейтрально к тому или иному решению проблемы критерия. Проблема критерия относится не к истинности или ложности, а к вопросу об их признании или непризнании. Проблема критерия связана с нашим знанием или незнанием истинности, с проблемой *достоверности* наших знаний. Для того чтобы утверждать истинность или ложность чего-либо, нужны критерии. Чтобы считать наши убеждения знанием, нужны достаточные основания.

Можно выделить несколько основных концепций критерия истины. Во-первых, это признание *очевидности* в качестве основного критерия (Декарт, Гуссерль и др.). В качестве критического аргумента против данной концепции обычно отмечается погрешимость человеческой интуиции. Во-вторых, это критерий взаимосогласованности знаний и/или выражающих знания утверждений (представители когерентной концепции истины). В качестве критического аргумента можно сказать о возможности согласованных и даже формально непротиворечивых систем утверждений, которые ничего в действительности не обозначают. В-третьих, это критерий практической полезности принятия рассматриваемых утверждений (прагматизм, марксизм). Против прагматической версии можно заметить, что не все истинные утверждения (верования) и не всегда приводят к благоприятному опыту; и наоборот, иногда ошибочные верования приносят человеку пользу¹². В отношении же

¹² Не следует искать прагматистскую концепцию истины у Ч. С. Пирса, предлагавшего лишь прагматистскую концепцию *значения* наших понятий. Истина же для Пирса «есть согласие абстрактного утверждения с предельным идеалом, к которому ведут научное верование бесконечные исследования».

марксистского критерия практики можно заметить, что данный критерий сам нуждается в критерии, ибо ввиду собственной неопределенности может использоваться совершенно произвольно. Можно поставить и вопрос о самоприменимости того или иного критерия истины. «Тезис о принципиальной познаваемости вселенной человеком (принимаемый в марксистско-ленинской философии. – Д. А.) и о практике как критерии истины несовместимы; последний тезис логически должен был бы означать, что в отношении всего того, что не имеет отношения к практике, никакое достоверное знание невозможно»¹³. В-четвертых, это позитивистский критерий верификации. В качестве аргумента можно указать на возможность высказываний о событиях прошлого или об отдаленных в пространстве событиях, которые никогда не удастся проверить в непосредственном опыте. Кроме того, сам принцип верификации не верифицируется. Наконец, критерий всеобщего принятия и признания некоторых утверждений в качестве истинных (конвенционалисты). Здесь следует заметить, что человечество достаточно часто заблуждалось в отношении того или иного вопроса; человеческий «номос» не всегда соответствовал объективному «Логосу». Поэтому «любовь к людям» со стороны конвенционалистов нельзя признать любовью разумной: соглашаться со всеми бывает порой и глупо, а порой и просто стыдно.

Ряд великих мыслителей – И. Кант, А. Тарский, К. Поппер и др. – доказывали невозможность какого-либо универсального содержательного критерия истины. Возможно, что проблема критериев истины должна рассматриваться лишь в рамках проблемы *достоверности* познания, а не применительно к вопросу об истине. Рассмотрение же критерия достоверности приводит к фаллибилизму, т. е. учению о принципиальной *погрешимости* (недостоверности) всех человеческих знаний. И это несколько не противоречит классическому определению истины в качестве объективного соответствия.

То, что универсального критерия истины нет и быть не может, в настоящее время не знают только марксисты, до сих пор считающие, что способны с помощью «практики» проверять на лож-

ность/истинность даже математические утверждения. Особо виртуозно владел линейкой «практики» В. И. Ленин, «проверивший», как известно, не только свои политические решения о «созывах», «разгонах», «разрушении» и «укреплении», но и многие чисто научные утверждения, например, заявлявший «авторитетно», что утверждение «дважды два – четыре» истинно. Неформальное, но вполне убедительное доказательство невозможности универсального критерия истины дал И. Кант в «Критике чистого разума»¹⁴ (формальное доказательство предложено позже А. Тарским, а К. Поппер доказывает абсолютную независимость классического *определения* истины от наличия или отсутствия ее *критерия*). Доказательство И. Канта говорит и о том, что *логика* не может претендовать на роль критерия истины в отношении *содержания* наших знаний (на роль *органа* познания), она может выступать лишь *канон*ом в отношении формы знания (если «знание» логически противоречиво, то оно ложно, но отсюда еще не следует, что все логически непротиворечивое истинно).

Одной из центральных проблем классического определения считается проблема природы соответствия. Как следует толковать это самое «соответствие»? Представляется, что однозначного определения соответствия нет и быть не может. Слово *соответствие* многозначно, и понятие отношения соответствия достаточно широко и многообразно. Можно говорить, например, о соответствии в качестве подобия, сходства. Так понимал истину Л. Витгенштейн, считавший истинные высказывания «изображениями», которые соответствуют изображаемому – некоторому факту. От этой наивной концепции соответствия Витгенштейн отказался в своем позднем творчестве.

Соответствие многообразно: некоторый элемент может соответствовать своим функциям в рамках системы, некоторый человек может соответствовать той или иной социальной роли, транспорт может ходить в соответствии с расписанием, мероприятия могут проводиться в соответствии с графиком и т. д. Наивное представление о соответствии как отражении возникает по аналогии с образным восприятием: обыденному сознанию образы представ-

¹³ Левин И. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 65.

¹⁴ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 159–162.

ляются наиболее достоверными знаками, связанными с самой реальностью, наивному сознанию очевидность образного восприятия кажется самой реальностью. На самом деле, образ как знак наиболее далек от какой-либо связи с реальным существованием собственного объекта. О существовании собственного объекта могут свидетельствовать след, симптом, признак, индекс, но никак не образ. Поэтому классическое определение истины нуждается в защите от не критичных толкований соответствия в качестве сходства, подобия. Р. Рорти облегчает себе критику классической концепции истины как соответствия именно потому, что сводит соответствие к подобию и даже к отражению.

Учебное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Программа (лекции и семинары) и учебные материалы
по курсу «Онтология и теория познания»
для студентов специальности 020100 «Философия»

Составитель
Анкин Дмитрий Владимирович

Редактор и корректор В. И. Попова
Компьютерная верстка Н. В. Комардина

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе УрГУ

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2005 г., поз. 53.
Подписано в печать 06.05.2005. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 3,1. Усл. печ. л. 3,48. Тираж 150 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.